Чернышева Анна Владимировна

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ КАК ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ОСНОВА ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ: ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ А. А. БОГДАНОВА

В статье дан анализ философии культуры А. А. Богданова. Основное внимание автор уделяет рассмотрению идеи последовательного эволюционизма как принципиальной основы теории культуры философа, подробно останавливаясь на анализе идеи адаптации, а также формах организационного опыта, в качестве которых А. А. Богданов выделяет религию, мораль и право.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/58.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 224-229. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

4. **Храпов С. А.** Массовизация социокультурного пространства и общественного сознания постсоветской России // Социальная политика и социология. М.: ОРПИ РГСУ, 2010. № 4. С. 43-57.
5. **Храпов С. А.** Трансформация общественного сознания современной России: социокультурные основания и кризисные тенденции // Социальная политика и социология. М.: ОРПИ РГСУ, 2008. № 3. С. 231-245.
6. **Храпов С. А.** Трансформация сознания российского общества в контексте его социокультурной динамики // Власть. М., 2009. № 9. С. 50-53.
7. **Храпов С. А.** Трансформация сознания российского общества в контексте социально-экономической динамики потребления // Власть. М., 2010. № 2. С. 56-58.
8. **Электронный каталог РГБ им. В. И. Ленина** [Электронный ресурс]. URL: http://www.rsl.ru/ru/s97/s339/ (дата обращения 12.06.2012).

WORLDVIEW FOUNDATIONS OF BODY-CENTRISM AS MODERN CULTURE TREND

Sergei Aleksandrovich Khrapov, Doctor in Philosophy, Professor
Department of Philosophy
Astrakhan' State University
Psychoan21@yandex.ru

Liya Malkhazovna Gogoladze
Faculty of Social Communications
Astrakhan' State University
a_button_@mail.ru

The authors aim to substantiate the necessity to conceptualize the ideas about body-centrism and worldview crisis contingence, show that their contribution is to extend the sphere of the meaning of the category “body-centrism” and reveal its worldview and social-cultural foundations, determine the role of human classical image devaluation, the crisis of consciousness, somatization, massification, illusivisation in body-centrism trend nature, and come to the conclusion about the necessity of scientific and public consolidation for this problem solving.

Key words and phrases: worldview; body-centrism; axiological devaluation; image of classical man; public consciousness; typological features of modern man; massification; somatization; illusivisation.

УДК 1(091)/130.2
Философские науки

В статье дан анализ философии культуры А. А. Богданова. Основное внимание автор уделяет рассмотрению идеи последовательного эволюционизма как принципиальной основы теории культуры философа, подробно останавливаясь на анализе идеи адаптации, а также формах организационного опыта, в качестве которых А. А. Богданов выделяет религию, мораль и право.

Ключевые слова и фразы: эмпириомонизм; махизм; исторический материализм; психоэнергетика; пролетарская культура; практика; художественное отражение.

Анна Владимировна Чернышева, к. филос. н., доцент
Кафедра социологии и культурологии
Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
irida64@bk.ru

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ ЭВОЛЮЦИОНИЗМ КАК ПРИНЦИПИАЛЬНАЯ ОСНОВА ТЕОРИИ КУЛЬТУРЫ: ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ А. А. БОГДАНОВА©

Ярким представителем одного из направлений марксистской мысли в России, стремящимся дополнить философию марксизма некоторыми положениями философии эмпириокритицизма, разработанной швейцарским философом Р. Авенариусом и австрийским физиком Э. Махом, является ***Александр Александрович Малиновский (Богданов) (1873-1928 гг.)***.

Свои философские воззрения он называет *эмпириомонизм*. Первая часть этого слова означает «опыт» (от греч. *empeira* – опыт), вторая – единство (от греч. *monos* – один). «Эмпириомонизм, – согласно определению самого А. А. Богданова, – есть *социально-трудовое* миропонимание» [12, с. 239]. Основным понятием эмпириокритицизма («критики опыта») является понятие «опыт», которое сторонники этого направления стремятся очистить от любых доопытных предпосылок, будь то априорное познание и «вещь в себе» И. Канта, или основополагающее для материализма понятие «материя».

© Чернышева А. В., 2012

В основе методологии А. А. Богданова лежит синтез основных положений махизма, переработанных с позиций исторического материализма и социального историзма.

Согласно его точке зрения, в качестве принципиальной основы теории культуры должен выступать последовательный эволюционизм, соответственно, общественное развитие должно быть истолковано как процесс адаптации к окружающей среде, а сознание - как одна из ее форм. Специфика социальной адаптации заключается в том, что она происходит в процессе трудовой деятельности, следовательно, анализ трудовой деятельности, или труда, и является ключом к анализу культуры. К. Маркс, показав, что развитие форм общественного труда и есть источник развития общества, встал на позицию эволюционизма, единственно научную из всех существующих. Однако тезис К. Маркса о вторичности идеологии нуждается, по мнению А. А. Богданова, в серьезной конкретизации.

Процесс труда включает в себя две стороны: техническую, в которой выражается отношение человека к природе в процессе труда, и экономическую, включающую в себя отношения людей по поводу самой трудовой деятельности. Над техникой и экономикой надстраиваются вторичные общественные отношения, в первую очередь идеологические.

В работе «Из психологии общества» (1906 г.) А. А. Богданов конкретизирует положение о вторичности идеологии в трех аспектах, выдвинутое в свое время К. Марксом. Первый аспект затрагивает специфику культуры как приспособления в отличие от техники и экономики, он задается вопросом: «Для чего служит идеология?» Здесь необходимо отметить, что на протяжении всей своей научной деятельности философ нигде не различает культуру и идеологию, считая, что «культура» и «идеология» являются двумя различными терминами, описывающими один и тот же предмет. Следующий поставленный им вопрос развивает первый: «Насколько однородна или разнородна эта надстройка с базисом?» И, наконец, последний вопрос: «Какова логическая связь учения об общественном развитии с теорией развития в других областях природы?» [2, с. 57].

Идея А. А. Богданова состоит в следующем: проанализировать психику и труд как средства психического подбора и выявить механизм, порождения надстройки базисом. Он ставит перед собой серьезную задачу: пройдя снизу вверх все общественные структуры – технику, экономику, культуру, – он стремится раскрыть логику процесса формирования культурного типа, другими словами, раскрыть связь, которая существует между типом труда, типом поведения, мышления и чувствования в рамках одной конкретной культуры, резюмирующей себя, в конечном счете, в типе личности.

Для решения поставленной задачи мыслитель создает собственную теорию и типологию культуры, которая, с одной стороны, дополняет формационную теорию К. Маркса типологией форм исторического мышления, а с другой – дает эмпириомоническое толкование классической для позитивизма теории трех стадий. В концепции А. А. Богданова они трансформируются в авторитарную, отвлеченную (индивидуалистическую) и коллективистскую, получая при этом эволюционистскую интерпретацию, дополненную анализом практики.

Принципиальная новизна подхода А. А. Богданова к проблемам культуры состоит в том, что их анализ переносится исследователем в план анализа индивидуального сознания и психики, поскольку, с точки зрения позитивизма, именно в их феноменах заключается как индивидуально-психическое содержание, так и объективное – физический мир. Отталкиваясь от установки Э. Маха на принципиальную однородность всех видов психического опыта, исследователь пытается найти между ними генетическую связь. Проблема соотношения объективного и субъективного, общественного и индивидуального сознания выступает в его работах как проблема сосуществования и взаимодействия в рамках индивидуального сознания природы, непосредственно данной в ощущениях, и культуры, созданной в процессе культурно-исторического творчества.

Проблем культуры А. А. Богданов касается практически во всех своих работах [1; 2; 6; 8-10; 12], а его взгляды в целом остаются неизменными на протяжении всей его деятельности. Однако в послеоктябрьский период он все меньше внимания уделяет философской методологии теории культуры (опыту, истине, психоэнергетике) и все чаще пытается использовать выводы дооктябрьских исследований в практической деятельности в сфере культуры.

Так, в 1918-1920 годах, продолжая свою многолетнюю просветительскую деятельность среди рабочего класса, А. А. Богданов становится одним из руководителей организации «Пролетарская культура» (Пролеткульт), в идеологических установках которой просматривается тенденция изолировать социалистическую культуру от мировой, якобы буржуазной культуры. Мыслитель полагает, что сразу после Октябрьской революции 1917 года идею «диктатуры пролетариата» осуществить невозможно, поскольку рабочий класс к этому просто не готов. Веря во всемирно-историческую миссию пролетариата, он видит «культурную слабость» реального пролетариата как в странах Западной Европы, так и в России. Его активная деятельность в различных организациях Пролеткульта и в качестве профессора политической экономии Московского университета, в первую очередь, обуславливается желанием поднять культурный уровень пролетариата. Он убежден, что милитаризм и войны, свойственные империализму, «способствуют прояснению классового сознания пролетариата, направляют его в сторону действенной борьбы за социализм… дело сводится к вопросу об исторической подготовке пролетариата» [4, с. 265]. В результате переход рабочего класса от стихийного творчества социальных и культурных форм «к сознательному их творчеству, – по мнению А. А. Богданова, – есть огромная культурная революция в пролетариате; это – его внутренняя социалистическая революция, которая должна предшествовать внешней социалистической революции общества» [6, с. 229].

Нельзя не отметить тот факт, что А. А. Богданов идеализирует пролетариат. Ратуя за «чистую» пролетарскую культуру, пролетарское искусство, пролетарскую науку, он упрощает реальный процесс культурного

развития и чрезмерно социологизирует понимание художественного творчества. Будучи убежденным коллективистом, мыслитель недооценивает личность. С его точки зрения, в «новом искусстве центральной фигурой является уже не индивидуум, с его личными интересами, личной активностью, личной судьбой, а коллектив, сначала классовый, в его противопоставлении враждебным ему силам общества и стихий, потом общечеловеческий, в его противопоставлении природе». В противовес многим деятелям Пролеткульта А. А. Богданов не считает, что необходимо отвергнуть и отбросить все старое искусство, которое, как он полагает, «только иначе воспринимается, иначе освещается коллективистским сознанием» [Там же].

В теоретическом наследии А. А. Богданова можно найти несколько определений культуры. Так, в работе «Культурные задачи нашего времени» он дает описательное определение культуры, хорошо известное по учебникам советского периода: «Культура охватывает всю сумму приобретений, материальных и нематериальных, которые сделаны человечеством в процессе труда и которые возвышают, облагораживают его жизнь, давая ему власть над стихийною природой и над самим собой» [5, с. 3]. В «Науке об общественном сознании» под культурой понимаются «все результаты человеческих усилий, поднимающие человечество над природой, все плоды труда и мысли, совершенствующие жизнь» [6, с. 8]. Помимо приведенных, А. А. Богданов предлагает и функциональное определение культуры, поскольку считает, что, только оценив функции культуры, можно окончательно понять как ее сущность и природу, так и содержание ее отдельных феноменов. В истолковании общественной жизни он исходит из достаточно простого всеобщего методологического принципа – функция определяет структуру. Именно функциональный подход, утверждает ученый, с необходимостью подводит нас к идее адаптации, а функция культуры, прежде всего, заключается в адаптации общества к окружающей его среде. Но что такое адаптация вообще? И какого рода адаптацией является культура?

Любое средство адаптации возникает в результате изменяющегося отношения конкретной жизненной формы к окружающей среде. И эти отношения содержат в себе не только движущую силу развития, но и новое средство адаптации, которое, в свою очередь, порождает новую неприспособленность, порождающую потребность в новых средствах адаптации (первичные средства адаптации рождают вторичные и т.д.). И, наконец, материалом адаптации являются наличные элементы жизненного процесса, поэтому развитие, по существу, никогда не создает ничего нового.

Поскольку непосредственным источником технических средств адаптации выступает среда, они являются первичными, с необходимостью порождающими вторичные, т.е. организационные средства адаптации. Если же всякое новое средство адаптации порождает неприспособленность, то в отношении общества это означает следующее: развитие техники неизбежно приводит к разделению труда. Прогрессивное само по себе разделение труда влечет за собой возникновение новой неприспособленности, а в условиях специализации оно ведет к ограничению возможностей каждого и требует дальнейшего приспособления, которое в интересах жизни целого должно объединить разрозненных производителей в реальную целостность, которой является общество. Эта задача решается путем создания организационных средств адаптации (приспособлений), которые и превращают сумму разрозненных единиц в единое целое. Живая целостность несводима к сумме единиц и существует за счет организационных средств адаптации.

В человеческом обществе первичным организационным средством адаптации является социальный инстинкт, представляющий собой лишь внешнее объединяющее начало. Поэтому для успешного функционирования общества как целого необходимо еще и внутреннее единство его членов. Важнейшие и сложнейшие задачи по объединению членов общества не только внешне, но и внутренне, превращению понимаемого и переживаемого одним понимаемым и переживаемым другим и обеспечению подобным образом возможности сохранения и передачи накопленного опыта решают вторично-организационные средства адаптации (приспособления). К ним относятся такие формы духовной культуры, как речь, познание, обычай, право, мораль, искусство, религия, философия.

Последовательная цепь средств адаптации (приспособлений) выглядит следующим образом: техническое (первичное) – социальный инстинкт – всеобще-организационное – культура как вторично-организационное средство адаптации (приспособление). Для А. А. Богданова важнейшим становится вопрос об их взаимодействии. Он убежден в том, что монизм должен быть достигнут доказательством однородности техники и идеологии, которое он основывает на общих принципах эмпириомонизма. Труд – это деятельность целесообразная, предполагающая наличие цели до начала самого трудового акта. Труд не мыслим без наличия этой целеполагающей, сознательной компоненты, поэтому труд и сознание неразделимы. С точки зрения мыслителя, «*социальная жизнь во всех своих проявлениях есть сознательно–психическая*… Вообще социальность неразделима с сознательностью. Идеология и экономика – область сознательной жизни. *Общественное бытие и общественное сознание в точном смысле этих слов тождественны*» [2, с. 57].

Исходя из данной методологической посылки, А. А. Богданов рассматривает культуру как момент целеполагания общественного труда, как аспект практической деятельности, без которой ее развитие просто немыслимо. Даже техническое приспособление (средство адаптации) представляется ему не орудием труда в его простом материальном бытии, а навыком деятельности, опредмеченным в орудии, а потому феноменом психическим. И технические средства адаптации, и средства всеобще-организационные и вторично-организационные относятся к одному психическому ряду, однако первичными в этом ряду являются средства технические. Генезис форм общественного труда – это генезис форм общественного сознания.

В итоге функциональное определение культуры – это определение ее в качестве вторично-организационного приспособления (средства адаптации). Именно культура превращает общество в качественную целостность,

единство, такое соединение, «в котором результат больше слагаемых» [10, с. 4], в этом и состоит ее основная функция. Культура представляет собой совокупность форм и средств систематизации, закрепления и передачи социального опыта. Она призвана сохранять и воспроизводить данный тип общества, «стройно и целостно организовывать опыт коллектива в таком соответствии с его устройством, чтобы полученные культурные продукты сами служили организационным продуктом для него, т.е. сохраняли, оформляли, закрепляли, развивали данный тип организации общества» [3, с. 40]. Тип культуры порождается функциональным единством таких ее форм, как язык, познание, искусство, обычай, мораль, право, религия.

Язык представляет собой средство общения, взаимопонимания, а следовательно, является и средством организации совместных усилий в процессе труда. Согласно А. А. Богданову, язык имеет социально-трудовое происхождение и развивается вместе с трудом. Однако теория языка не представляет для него самостоятельного интереса. Достижения языкознания служат исследователю лишь материалом, демонстрирующим правильность выводов эмпириомонизма относительно культуры. В теории языка его интересуют лишь два основных вопроса: о его организующей функции и о взаимосвязи между знаком и значением, которые, по его мнению, важны для решения проблемы понимания знака, коммуникации, т.е. организации опыта.

Безусловно, на рассмотрение организационных функций языка А. А. Богдановым заметно влияет его общефилософская ориентация. Познание, утверждает мыслитель, есть не поиск истины за рамками опыта, а организация опыта и коммуникации. Для реализации перечисленных функций сознания важна не столько сама форма выражения, сколько ее способность передать содержание, т.е. организовать общение. А. А. Богданов подчеркивает, что такой способностью обладает не только звуковое слово, но и трудовая пластика, мимика, художественная пластика (танец, музыка и т.п.). Эту мысль он подробно развивает в «Эмпириомонизме», анализируя понятие «высказывание». «К высказываниям, – пишет мыслитель, – принадлежат отнюдь не одни только специализированные формы выражения, как речь, мимика, искусство, но все вообще двигательные реакции организма, которые мы можем “понять” в связи с психическими переживаниями. Если, например, мы видим человека, выполняющего какую-нибудь работу, то в его действиях мы находим для себя целый ряд высказываний: они ясно выражают наличность, во-первых, восприятия всех объектов и орудий его труда, во-вторых, представления о некотором желательном преобразовании этих объектов как о “цели”, в-третьих, стремления достигнуть этой цели и принятого решения в этом смысле. Все такого рода практические высказывания имеют не только не меньше смысла, чем “теоретические”, например, словесные, но даже значение основное по отношению к этим последним: речь, мимика и другие специальные формы выражения возникают на почве практического объединения человеческих действий, общественный труд людей есть первичная область их общения, а стало быть, и высказываний» [11, с. 69].

Понимая слово гораздо шире, нежели традиционное высказывание, А. А. Богданов подчеркивает первичность слова по отношению к мышлению. Первичной является потребность в общении, которая может быть реализована только при помощи выразительных форм – «слов». Именно поэтому, согласно его убеждению, «слово» рождается в совместном труде, а не в индивидуальной душе. Мышление, по сути, своей и есть коммуникация, а первой, исходной клеточкой его является трудовое движение. Подобно Э. Маху, А. А. Богданов видит в любом, даже самом сложном научном понятии тысячи раз повторенную человеческую практику. Мышление, по своей сути и происхождению, диалогично, поскольку оно всегда является разговором, даже в одиночестве мы говорим сами с собой. В результате данных рассуждений ученый выводит свою знаменитую формулу: мышление есть речь минус звук.

Из всего вышесказанного следует, что квинтэссенцией практики является наука. Наука представляет собой форму организации опыта, познание же есть коммуникация по поводу практики и накопленного практического опыта. Сама мудрость и есть не что иное, как накопленный человечеством опыт. Опираясь на историю науки, А. А. Богданов доказывает, что знание, даже в мифологической форме, всегда служит интересам практики. Пирамиды и мифы – это, прежде всего хранилища практической мудрости и накопленных знаний, которые необходимы для организации совместных усилий. И хотя современная наука превращается в самостоятельную отрасль человеческой деятельности, ее связь с практикой, пусть и опосредованная, продолжает существовать. «Точные науки, – подчеркивает ученый, – организуют всю современную технику машинного производства; они способны к этому лишь потому, что сами представляют организованный опыт прошлого, прежде всего также технический» [2, с. 2].

Специфическим орудием общения людей, а также средством собирания, систематизации и передачи накопленного опыта, является искусство. Опыт, организуемый искусством, опыт особый, эмоциональный. Искусство придает опыту общезначимые формы, которые способны «транслировать эмоцию» не только от человека к человеку, но и от поколения к поколению, тем самым расширяя пределы духовной биографии отдельного индивида до масштабов рода и сообщая ему человеческую универсальность, благодаря которой у него возникает сочувствие к другому, к предку, потомку, внутренне объединяющее его с человечеством. Искусство, по мнению А. А. Богданова, «своими особыми методами организует представления, чувства, настроения людей, тесно соприкасаясь с познанием, часто прямо сливаясь с ним, как беллетристика, поэзия, живопись. В искусстве организация идей и организация вещей нераздельны. Например, взятые сами по себе, архитектурные сооружения, статуя, картина являются системами «мертвых» элементов – камня, металла, полотна, красок; но жизненный смысл этих произведений лежит в тех комплексах образов и эмоций, которые вокруг них объединяются в человеческой психике» [1, с. 2-3].

Согласно А. А. Богданову, художественное отражение – это отражение одной психики в другой, средством которого является художественная форма, опредмеченная эмоция, которая и служит поводом для

возбуждения подобной необходимой эмоции в воспринимающем субъекте. Данное понимание отражения является, с его точки зрения, функциональным, а механизм его иллюстрируется следующим примером. Звуки музыки и движение иголки по пластинке, на которой записана эта музыка, не имеют ничего общего, однако, когда мы ставим иголку на пластинку, на которой записана эта музыка, мы вновь ее слышим. То же самое характерно и для искусства в целом: художественная форма – это всего лишь средство коммуникации, в которую включаются как отдельные индивиды, так и целые поколения, и благодаря этому мы сохраняем свое эмоциональное и духовное наследие.

Организационной, с точки зрения мыслителя, является и сущность религии. Указание на это содержится уже в самом термине «религия», происходящем от латинского «religare» (связь). Поэтому основная ее функция и заключается в осуществлении связи настоящего с прошлым, предшествующего накопленного опыта с настоящей практикой. Принадлежность целому, зависимость от него в религии осуществляется как связь с Богом. Религия самым тесным образом связана с обществом авторитарного типа, поскольку именно там она является господствующей организационной формой и единственной идеологией.

Возникновение религии напрямую связано с накоплением авторитета предков, и происходит это, по мнению А. А. Богданова, следующим образом. «Распоряжаясь жизненными отношениями столь обширной и сложной системы, как община, патриарх в огромном большинстве случаев делает это по готовому шаблону, пользуясь накопленным опытом своих предшественников, их “заветами”, то есть правилами и указаниями, которые от них перешли к нему, передаваясь в ряду их поколений. Постоянно ссылаясь на эти “заветы”, выставляя себя перед общиной исполнителем воли предков, он тем самым поднимает их авторитет над своим как высший и более могущественный. Большую часть своей жизни каждый патриарх был раньше подчиненным исполнителем своих ближайших предшественников, привык почитать их и подчиняться им, ставить их над собой. Став патриархом, он в силу консерватизма мышления сохраняет этот взгляд на них и, как хранитель общинной традиции, передает его своим родичам. Но в таком же точно отношении предыдущие патриархи стояли к тем, место которых заняли, и подобным же образом поставили их выше себя в глазах общины; а те делали то же по отношению к своим предшественникам, и т.д. Уходя в даль прошлого, образы предков-организаторов растут в сознании потомков, достигая сверхчеловеческих размеров; уважение к ним переходит, наконец, в настоящее обожествление. Так почитание предков привело к созданию богов и положило начало древнейшим религиям» [6, с. 27].

С авторитарной системой религия связана исторической необходимостью, а вот за ее пределами она существует как рудимент, сохраняющийся наравне с другими рудиментами этой системы, такими, как семья, армия, государство и т.п. В качестве единственного средства организации и управления обществом накопленный авторитет может существовать лишь в условиях консервативных общественных связей и самого труда. Подобные рассуждения можно найти в работе А. А. Богданова «Познание исторической точки зрения». В ней автор отмечает, что в условиях изменения общественных связей, возникающей потребности в пластическом типе труда религия как средство управления невозможна. Ее исторические возможности ограничены. Она может развиваться только в определенных исторических рамках, отражая в своем развитии эволюцию самой авторитарной связи. Подобным образом иерархия авторитарных связей, характерная для периода перехода патриархального общества в феодальное, отражается в религиозных системах в виде иерархии богов и святых.

Однако, подчеркивает далее мыслитель, ограниченность религии как формы общественной организации опыта, с точки зрения формы познания в эмпириокритицизме или эмпириомонизме, отнюдь не означает ее ложность или ненужность. «Если заветы умершего организатора продолжают действовать, то его организаторская роль в жизни на деле расширяется. При жизни патриарх руководил, может быть, сотней сородичей; через двадцать поколений потомство этой общины может образовать целое племя во много тысяч человек… легко сообразить, во сколько раз увеличилось поле его авторитета» [Там же, с. 71-72]. Если живы заветы предков, значит, и сами предки живут и оказывают на жизнь потомков более существенное влияние, нежели они сами. Поэтому неудивительной является и вера в вечно живого Бога.

С точки зрения А. А. Богданова, в современном обществе религия сохраняется в той мере, в которой сохраняют жизненную ценность другие рудименты авторитарных отношений, такие, как армия, государство, семья. Сохраняющиеся вместе с ними формы опыта находят вполне соответствующие своему содержанию формы проявления и способы организации. На основе этих предпосылок ученый подходит к традиционно-просвещенческой критике религии. При этом он не рассматривает религию как исключительно гносеологический феномен и не занимается обличением духовенства. Корни его критики – намного глубже, они заключаются в исторических формах самого труда и его организации. Мыслитель абсолютно убежден в том, что изжить религию можно лишь в случае уничтожения этих структур. В сознании общества должно победить подлинно научное отношение к религии, которое будет способно рассмотреть ее с социологической и культурно-философской точек зрения.

Формами организационного опыта, согласно А. А. Богданову, являются также мораль и право, источник которых заключен в обычае, признаваемом учеными древнейшим из известных в истории регулятором человеческого поведения. Обычай, подчеркивает он, относится к тем временам, когда члены общества были «психологически настолько тождественны, насколько одинаково организованы физически» [7, с. 42]. Обычай – это абсолютное долженствование; это тысячелетняя привычка, которая усваивается путем подражания и нарушение которой просто немыслимо. В прежние времена, когда обычай еще только зарождается, вопрос

о его нарушении не стоит, поскольку противоречий между индивидуальным и социальным опытом еще не существует. В этот период человеческая индивидуальность еще не вычленяется из коллектива, а опыт и сознание индивида и коллектива являются практически однородными. В условиях такой однородности опыта, или, в терминологии А. А. Богданова, «сплошности сознания», обычай предстает в качестве наиболее совершенной формы организации общественной жизни.

Значительно позже, когда появляется возможность нарушить обычай и вместе с тем желание не допустить этого, возникает норма, которая организует совершенно иной тип общественных отношений, связывающих членов общества посредством разделения труда. «Грубость и беззаботность воина, – отмечает мыслитель, – плохо мирились с мягкостью и предупредительностью его сообщника-земледельца, повышенные потребности ремесленника вызывали недоумение и отвращение неприхотливого рыбака и т.д. Неоднородность опыта породила, таким образом, новую организационную связь – норму. Затем рождается обычное право, право-закон, часть же опыта, регулируемого ранее обычаем, подпадает под понятие “приличия”, “долга”, затем “совести”» [Там же].

По существу, обычай, право, мораль являются формами организационной и общественной жизни, генезис которых представляет собой генезис расширяющегося опыта, который постоянно требует новых форм организации. Фетишизация моральных и правовых норм, характерная для периода господства авторитарных и индивидуалистических идеологий, никоим образом не отменяет их организационной сущности. Даже вполне «внутренние», современные конфликты представляют собой не конфликты отвлеченных норм (долга, совести и т.п.), а организационные конфликты. «Внутренние моральные конфликты суть конфликты непосредственных импульсов жизни с внешней для них, хотя и встречающейся в одном поле личного сознания, кристаллизованной силой социального прошлого» [Там же, с. 54], – заключает А. А. Богданов.

Таким образом, согласно позиции А. А. Богданова, единство культуры состоит в функциональном единстве всех ее форм, и все они являются организационными. Понятие организации в данном контексте становится основой истолкования культуры как целостности. Однако культура – это не просто целостность; это качественно-определенная целостность, которая реально-исторически существует как тип культуры.

Список литературы

1. **Богданов А. А.** Всеобщая организационная наука. СПб.: Семенов, 1912. 255 с.
2. **Богданов А. А.** Из психологии общества. СПб.: Электропечатня Тов-ва «Дело», 1906. 200 с.
3. **Богданов А. А.** Искусство и рабочий класс. М.: Новый мир, 1918.
4. **Богданов А. А.** Краткий курс экономической науки. М. - П.: Госиздат, 1923. 272 с.
5. **Богданов А. А.** Культурные задачи нашего времени. М.: Изд-е Дороватовского и Чарушникова, 1911. 92 с.
6. **Богданов А. А.** Наука об общественном сознании (Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах). М.: Кн. изд-во писателей, 1914. 199 с.
7. **Богданов А. А.** Новый мир. М.: Госиздат, 1920. 136 с.
8. **Богданов А. А.** Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб.: Издатель, 1899. 251 с.
9. **Богданов А. А.** Познание с исторической точки зрения. СПб.: Издание автора, 1901. 217 с.
10. **Богданов А. А.** Роль коллектива в истории. Тифлис: Гермес, 1914. 16 с.
11. **Богданов А. А.** Эмпириомонизм. М.: Типография Общества распространения полезных книг, арендуемая В. Я. Вороновым, 1905. Ч. I. 178 с.
12. **Богданов А. А.** Эмпириомонизм // Русский позитивизм. Лесевич. Юшкевич. Богданов. М.: Наука, 1995. 362 с.
13. **Кульсеева Т. Г.** Естественные науки как источник «тектологии» А. А. Богданова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. II. С. 117-120.
14. **Мельниченко Н. Ю.** От тектологии к синергетике, или Краткий философский обзор по истории теории систем // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (16): в 2-х ч. Ч. II. С. 135-138.
15. **Пименов В. Ю.** Философия богостроительства как инвариант русского марксизма // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 150-153.

SUCCESSIVE EVOLUTIONISM AS PRINCIPLE BASIS OF CULTURE THEORY: PHILOSOPHY OF A. A. BOGDANOV'S CULTURE

Anna Vladimirovna Chernysheva, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Sociology and Culturology
Moscow State Technical University named after N. E. Bauman
irida64@bk.ru

The author analyzes the philosophy of A. A. Bogdanov's culture, pays special attention to the consideration of successive evolutionism idea as the principle basis of the philosopher's theory of culture, and dwells on the analysis of adaptation idea as well as the forms of organizational experience, in which quality A. A. Bogdanov distinguishes religion, morality and law.

Key words and phrases: empiriomonism; Machism; historical materialism; psychoenergetics; proletarian culture; practice; artistic reflection.